РЕЦЕНЗИИ

© ЭО, 2003 № 5

Т.И. Дронова. Русские староверы-беспоповцы Усть-Цильмы: Конфессиональные традиции и обряды жизненного цикла (конец XIX – XX вв.) / Отв. ред. Т.А. Бернштам. Сыктывкар, 2002. 274 с., ил.

Рецензируемая монография – первое комплексное исследование по истории и этнографии одной из локальных групп русских староверов, компактно проживающих в Усть-Цилёмском р-не на севере Республики Коми. Исследование основано главным образом на полевых материалах автора, собранных в ходе многолетних экспедиционных разысканий, а также на неизвестных ранее архивных источниках. В работе подробно рассматривается история формирования этноконфессиональной группы староверов-беспоповцев Усть-Цильмы, выявляется специфика развития данной староверческой группы, на исторических путях существования которой выделилось три религиозных центра: пижемский, цилёмский и усть-цилёмский с соответствующими каждому центру религиозным направлением – "истыми", "поперечными" и "мирскими". Многолетние этнографические исследования автора позволили проследить истоки подобного разделения и подробно охарактеризовать каждую из этих групп с точки зрения культурно-бытовых и хозяйственных особенностей уклада жизни, религиозного и обыденного стереотипов поведения, общения с окружающим населением – как православными русскими, так и автохтонными коми-ижемцами и ненцами. Важно то, что Т.И. Дроновой удалось проследить динамику в религиозных и обыденных отношениях названных групп усть-цилёмских староверов на протяжении XX в., а также собрать и обобщить интересный материал, характеризующий социокультурные трансформации в восприятии ими предметов материальной культуры (от полного неприятия к активному использованию: например, самовар, телефон и др.), некоторых продуктов питания (от запрета на употребление к повседневной или праздничной пище: картофель, хрен и др.). Любопытные трансформации произошли в отношении к пенсиям. Еще в 1950–1960-е годы пенсия воспринималась не как заслуженное в связи с трудовым стажем социально гарантированное финансовое обеспечение, а в соответствии с такими устойчивыми религиозно-нравственными понятиями, как *милостыня*, а также *тайная милостыня*. Особо строгие в своей вере ("истые") отказывались от пенсии, считая ее милостыней. А милостыню, согласно древним религиозно-нравственным правилам, надо отмолить: в молитвах о здравии или упокоении необходимо называть имена поминаемых или дарителей, а за кого отмаливать пенсию – староверы не могли знать. То, что ныне пенсия воспринимается как нормальное явление, свидетельствует о существенных сдвигах в общественном сознании усть-цилёмских староверов. Вероятно, вместе с признанием пенсии наметились и другие культурно-бытовые сдвиги в их повседневной жизни.

Большой интерес представляет историко-этнографический анализ структуры религиозной общины усть-цилёмских староверов, в особенности же изменения по отношению к женщинам как духовным лидерам общины, их подвижнической деятельности в течение советского периода в деле сохранения института наставничества и староверия в целом в Усть-Цилёмском крае. Надо сказать, что это явление – женщина, заменившая мужчину в качестве духовного лидера – было типично не только для староверческих общин, но и для религиозной жизни всей православной России. На фоне массового закрытия храмов в 1930-е годы, массовой гибели мужского сельского населения в 1940-е годы по всем деревенским уголкам возникают домашние молельни, в которых именно женщины взяли на себя функции хранителей веры и обрядов, в особенности, когда речь шла о погребении усопшего с соблюдением соответствующего чина погребения по православному канону[1]. И если среди православного населения этот фактор был сразу воспринят сочувственно, то в староверии ему сопутствовало обращение к древнехристианским примерам. В книге убедительно показано, как в трудные для верующих времена именно женщины, взяв на себя функции наставников, стали справлять такие важнейшие религиозные требы, как исповедь и крещение.

Автору удалось зафиксировать различные формы исповеди. Привлекает внимание описываемый на страницах книги такой фрагмент исповеди, как *отмаливание исповедальной епитимьи* в пешей дороге. По материалам Т.И. Дроновой, этой традиции придерживались многие староверы (с. 99). Здесь важно подчеркнуть, что скорее всего *дорога* в данном случае воспринималась как *духовный путь*, ведущий к неким *горним* вершинам, на что может указывать практика *горних молитв*, т. е. покаянных молитв, читаемых во время пути на дорогах, ведущих в гору. Молитвы на таких дорогах считались особенно действен-

ными. Эти материалы углубляют наши представления о роли дороги не только как объекта хозяйственной деятельности человека или, например, места встреч со сверхъестественным[2], но главное – о ее сакральном восприятии, поскольку назначение дороги – осваивать непрерывное многообразие пространства и времени.

Среди различных форм исповеди у устьцилёмов привлекает внимание практика "обнародования" грехов, т.е. принародная исповедь перед односельчанами. Считалось, что только с помощью такой исповеди кающийся колдун (*еретик*) мог разрушить силу колдовства, и еретик прекращал свою магическую практику (с. 100).

Сохранились у усть-цилёмских староверов и пережитки "исповеди земле", а среди охотников практиковалась исповедь лесу, причем пижемские староверы "убеждены, что можно исповедоваться любому дереву (кроме осины)" (с. 101). Т.И. Дронова смогла зафиксировать и архаичные варианты неканонических покаянных молитв, с которыми по сей день старики ежедневно *прощаются со стихиями* (дорогой, рекой, ручьем, ключевой водой, "вольным белым светом", солнцем, месяцем, звездами, облаками).

Разнообразие исповедальных форм в ритуальной практике староверов Усть-Цильмы приводит автора к выводу "о ее значительности в религиозном сознании и непростом к ней отношении, независимо от принадлежности к религиозной группе" (с. 103). Этот вывод свидетельствует не только о высоком религиозно-нравственном статусе исповеди в современном религиозном сознании и ритуальной практике староверов, но и о прочности правил жизни, заповеданных предшествующими поколениями и сохраняемых в настоящее время.

В монографии подробно, и, что важно, с учетом социокультурной динамики исследуются конфессиональные традиции обрядов жизненного цикла. Своими уникальными материалами впечатляет глава, посвященная родинной обрядности и половозрастной специфике в воспитании детей в периоды младенчества, отрочества и старшего подросткового возраста. Эту главу автор начинает с вопроса о нравственной ответственности *предков* за рождение здорового поколения. Дело в том, что усть-цилёмские староверы не умозрительно, а в согласии с крепким убеждением верят, что предки, к каковым относятся и здравствующие старики, передавая новым поколениям черты своего характера, ответственны за рождение здоровых детей.

В разделе "Вынашивание ребенка" (с. 166–169) читатель найдет сведения о том, от кого получала девушка, а потом молодая первые сведения о правилах поведения во время беременности, мерах предосторожности для обеспечения благополучного вынашивания плода и рождения здорового ребенка; представления о беременности как опасном состоянии для микромира, о первой беременности и о первенце, которого как бы "вынашивают за пазухой". Приводятся данные о запретах на определенные виды работы, о ношении *кабатка* (молельной одежды для старух), чтобы временно до родов принять по обету образ жизни старого человека *из истых*, т.е. строгих религиозных правил; рассказы старожилов о способности роженицы к общению с иным миром (с. 170); молитвы, обетные моления и обережные атрибуты.

В разделе "Роды" читатель найдет подробные материалы о традиционно предпочтительных местах родов и сакрально-гигиенической подготовке этих мест к родам; о распределении ролей повитухи, свекрови, матери и мужа роженицы. Представляют интерес материалы о локальном бытовании обычая кувады, о роли отца ребенка в организации жизнеобеспечения матери и младенца; представления устьцилёмов о новорожденном как "живом, но еще не человеке"; мифосоматические представления о младенце. Заслуживают внимания и новые сведения об изменении общественного статуса молодой матери в зависимости от возраста ребенка. Подробно рассматривается бытование рациональных и иррациональных обычаев, связанных с уходом за младенцем в течение первого года его жизни. Вызывают интерес материалы о зыбке: кто и какими способами должен ее изготавливать, соотношение цвета росписей и рисунков на колыбели с полом младенца, ее магическое "оснащение" и наследование. Собранные материалы позволили автору сделать важный вывод о том, что уже "через зыбку ребенок как бы наследовал родовые традиции и социализировался в семье" (с. 176).

Для исследователя этнографии детства и отрочества бесспорно интересны материалы и обобщения, предложенные Т.И. Дроновой в разделах "Младенчество – детство (до шести лет)", "Отрочество (6–12 лет)", "Старший подростковый возраст" (с. 179–196). В названных разделах привлекают внимание сведения об одежде, прическе, обрядах, досуге и играх, половозрастной стратификации и бытовании соответствующей полу и возрасту локальной терминологии, закрепляющей в общественной жизни новое возрастное состояние подрастающего поколения.

Глава "Свадебная обрядность" посвящена структуре, функциям и эволюции свадебной обрядности у устьцилёмов, она насыщена этнографической информацией о молодежных формах досуга и принципах организации посиделок, во время которых определялись брачные пары. Здесь Т.И. Дронова подробно рассматривает обрядовое поведение не только жениха и невесты, их родителей и крестных, но и других домочадцев, например, золовок, старых родственниц (они играли главную роль в рукобитье, с. 227). С точки зрения перехода невесты в другой социальный статус рассматриваются заручение и банный ритуал

(с особым порядком шествия в баню и возвращения из нее). Комментируя обычаи хлестания невесты веником в бане и обливания ее водой, Т.И. Дронова обращается к выводам этнографов по этому вопросу. И если вывод С.И. Дмитриевой, что таким способом изгоняли духов болезней и очищали от возможного сглаза, вполне согласуется с соответствующей магико-ритуальной практикой, то следующий за ним тезис другого исследователя (на который ссылается Т.И. Дронова) о том, что в итоге банного ритуала "невеста должна оставить свою душу в семейно-родовом святилище, в качестве которого выступает баня" (с. 240), нуждается в дополнительных референциях: читателю непонятно, как можно невесте "оставить душу" и вообще – возможно ли это и допускают ли подобное (оставить христианину душу в бане!) представители старой веры?

Заслугой автора является попытка рассмотреть свадебные обычаи и традиции устьцилёмов на фоне общерусской свадебной обрядности. В этой связи обратим внимание на один из фрагментов свадебной игры устьцилёмов, который расшифровывается на фоне общеславянской обрядности. Речь идет об обычаях, сопровождавших первое укладывание молодых в брачную постель. Согласно свадебной традиции устьцилёмов, мать молодого могла заранее под брачную кровать положить камни или громоздкую часть конской упряжи[3]. Современная мотивировка этого обычая – молодая должна "устранить неудобства" и получить место рядом с мужем (с. 257). Между тем в архетипе, по славянорусским представлениям, камень выступает в качестве заместителя человека. На усть-цилёмской свадьбе символика камней под постелью молодоженов – это или пожелание потомства, или же, если клали два камня, пожелание, чтобы муж и жена были такими же крепкими, как эти камни. Данное предположение соотносится с таким архаичным выражением, как "держать камень за пазухой" и представлением устьцилёмов о первенце, которого мать как бы "вынашивала за пазухой" (в связи с последним Т.И. Дронова справедливо вспоминает образное выражение "как у Христа за пазухой") (с. 167; здесь же приведены примеры обычаев с камнями, которых придерживалась беременная устьцилёмка).

С учетом социокультурной динамики исследуется и погребально-поминальный комплекс ритуалов, обрядов, предписаний, хотя автор вполне обоснованно начинает главу с вывода о том, что сравнение собранных ею данных с материалами прошлого говорит об устойчивости погребально-поминальной обрядности староверов Усть-Цилёмского края на протяжении XIX–XX вв. Как пишет Т.И. Дронова, обрядность этого цикла "не претерпела существенных изменений" (с. 107). Изменения коснулись прежде всего некоторых внешних признаков и привычек, связанных с условиями современной жизни. Однако когда наступает соответствующий рубеж в жизни человека, меняются стереотипы его поведения в повседневной жизни, начиная от фасона одежды (надевается только традиционная вместо современной), некоторых привычек в пище (в старческом возрасте отказываются от чая, считая напиток "греховным") и др. Эта возрастная категория устьцилёмов, стремясь к нравственному совершенству и спасению души и готовя себя тем самым к жизни вечной, все свое внимание сосредоточивает на соблюдении религиозно-бытовых норм.

На страницах книги читатель найдет интереснейшую этнографическую характеристику жизни устьцилёмских стариков-староверов. Этот рассказ погружает нас в царство неведомых градов, где тихоструйная жизнь течет не одну сотню лет и где нравственно совершенные старцы отмаливают наши души от грехов современного бытия.

Отдельные разделы главы посвящены гаданиям и приметам о смерти, представлениям о смерти и особенностям ритуальных предписаний, учитывающих возраст умершего и характер смерти, подробно рассказывается о традициях в изготовлении гроба и креста; детально описывается омовение и одежда умершего, прощание и погребение (приведены примеры традиционных и современных плачей), поминальные обычаи. Каждый раздел отличает максимальная полнота в характеристике описываемых явлений. Пожалуй, лишь раздел "Поминальные обряды" нуждается в "дописывании", поскольку автор поминальный цикл ограничивает обрядностью, непосредственно связанной с погребением и следующим вслед за тем поминальным циклом 9-го, 20-го, 40-го дней. Упоминаемые в конце раздела *три родительских недели* ежегодных поминовений нуждаются в расшифровке, хотя бы потому, что в народном православии в течение года чаще всего отмечаются *четыре родительских дня* (с локальными вариантами этих дней). Вполне закономерно желание читателя знать, какие же именно у устьцилёмов родительские недели, и каковы обрядово-ритуальные особенности этих дней.

Несомненное достоинство исследования Т.И. Дроновой – в том, что автор последовательно придерживается в своем исследовании принципа половозрастной и религиозной ("истые", "мирские", "поперечные") стратификации, с четким обозначением всех возрастных границ, в том числе сопутствующих им обрядов перехода.

Для будущей работы также хотелось бы высказать следующее пожелание: на страницах книги содержится довольно много материалов, характеризующих статус мужчин и женщин и стереотипы их поведения в соответствии с религиозными особенностями мировоззрения и уклада жизни. Этот материал заслуживает обобщения и систематизации, например, в рамках проблемы "Мужские и женские ценности в свете этноконфессиональной идентификации". Такое обобщение будет интересно широкому кругу исследователей, осо-

бенно в свете прошедшей в апреле 2003 г. в Москве научной конференции «"Мужское" в традиционном и современном обществе», в рамках которой на завершающем "круглом столе" по теме "Мужские ценности и мировые религии" дискутировались и такие вопросы: "Каковы стандарты маскулинности в различных религиях?", "Можно ли утверждать, что существует прямая связь между гендерной спецификой и конфессиональной принадлежностью индивидов и социальных групп?"[4]

Исследование обрядов жизненного цикла устьцилёмов в комплексе историко-этнографических и фольклорных данных позволило уточнить научные представления об этой группе русского народа, а также осмыслить роль староверия как фактора, формирующего локальную общность по этноконфессиональному признаку. В монографии уточнено использование термина *устьцилёма*, под которым группа вошла в научную литературу, но который (термин) не является самоназванием, как это звучит во всех известных работах этнографов и фольклористов. Несмотря на некоторую разобщенность религиозных центров, консолидирующим является общее для всех самоназвание *староверы*. В работе полно проанализировано религиозное мировоззрение изучаемой группы русских, способствовавшее столь длительному сохранению их религиозно-культурной самобытности в условиях проживания среди численно превосходящего иноэтнического окружения.

Отметим, что монография Т.И. Дроновой написана живым русским языком. С ее страниц звучит речь староверов Усть-Цильмы во всем ее лексическом своеобразии и красоте, что делает книгу особенно привлекательной для широкого круга читателей. Специалисты же найдут в ней бесценный сравнительный историко-этнографический и фольклорный материал.

Монография Т.И. Дроновой вносит заметный научный вклад в дело изучения этнографических групп русского народа. Это особенно важно, есть учесть, что именно русские на сегодняшний день остаются этнографически наименее изученным народом России.

Примечания

[1] Подробнее см.: *Тульцева Л.А.* Вдовья доля (заметки этнографа) // Этнограф. обозрение. 1995. № 3. С. 20–26.

[2] О дороге с точки зрения иррационально-информационных контактов подробнее см.: *Щепаньская Т.Б.* Культура дороги на Русском Севере. Странник // Русский Север: Ареалы и культурные традиции. СПб., 1992. С. 102–126.

[3] По материалам Н.В. Зорина, для того, чтобы у новобрачных рождались сыновья и чтобы они были хорошими работниками, рядом с брачной постелью иногда клали какие-либо орудия земледельческого или ремесленного труда (*Зорин Н.В.* Русская свадьба в Среднем Поволжье. Казань, 1981. С. 115.)

[4] Подробнее см.: "Мужское" в традиционном и современном обществе. Матер. науч. конф. (16–18 апреля 2003 г.). М., 2003.

Л.А. Тульцева

© ЭО, 2003 г., № 5

"Взойду ли я на гору высокую, увижу ли я бездну глубокую…": Старообрядческий фольклор Нижегородской области / Сост. и коммент. О.А. Савельева, Л.Н. Новикова. Новосибирск, 2001. 266 с.

Рецензируемая книга могла появиться только в наши дни: во время господства коммунистической идеологии изучение старообрядчества находилось под негласным запретом со стороны партийных органов и отнюдь не приветствовалось православной церковью.

Составители сборника фольклорных и этнографических текстов (до начала нового тысячелетия известных только узкому кругу исследователей-энтузиастов и подвижников от науки) представили для современных читателей уникальные материалы, которые в течение многих лет записывались нижегородскими археографами в ходе многочисленных экспедиций к носителям "старой веры". Продолжив давнюю традицию, заложенную главой новосибирской археографии Н.Н. Покровским, составители вынесли на суд читателей тексты преимущественно прозаические, рассказывающие об истории России и возникновении раскола, по-своему интерпретирующие события Священной истории и проблемы веры, сообщающие массу интереснейших подробностей повседневности и бытовых привычек членов старообрядческих общин.

Донося до нас редкостные сокровища старообрядческого фольклора, составители сборника помогают понять весь мир умонастроений хранителей вековой мудрости и своеобразной культуры – их представления о природе; библейские и христианские легенды; чудеса, видения, сны; мифы и страхи, отразившиеся в